

12+

Николай Атаманенко

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ФУТУРОЛОГИЯ:

проектирование смыслов будущего

Николай Атаманенко

**Концептуальная футурология:
Проектирование
смыслов будущего**

«Издательские решения»

Атаманенко Н.

Концептуальная футурология: Проектирование смыслов будущего
/ Н. Атаманенко — «Издательские решения»,

Будущее создаётся смыслами — понятиями, через которые мы осознаём реальность, а не технологиями, экономикой и политикой. Старые понятия перестали работать, а новый язык не создан. Книга предлагает метод концептуальной футурологии, которая занимается проектированием смысловых оснований завтрашнего дня. Для стратегов, философов, методологов, исследователей, педагогов, и всех, кто готов сознательно проектировать будущее на том уровне, где оно действительно начинается, — на уровне понятий.

© Атаманенко Н.

© Издательские решения

Содержание

Введение	6
ЧАСТЬ I. БУДУЩЕЕ КАК СМЫСЛОВАЯ КОНСТРУКЦИЯ	9
Глава 1. Человек живёт внутри образов будущего	11
1.1. Воображаемое завтра как двигатель настоящего	11
1.2. Коллективные мифы и нарративы: как общества договариваются о горизонте	11
1.3. Цивилизационные ставки: почему образ будущего важнее ресурсов	12
Глава 2. Как понятия создают реальность	14
2.1. Цепочка смыслопорождения: от концепта к институту	14
2.2. Семантическая археология: раскопки устаревших значений	15
2.3. Как незаметно меняются понятия — и поворачивают цивилизации	16
Глава 3. История человечества как история смысловых революций	19
3.1. Миф, религия, разум: три великих концептуальных перехода	19
3.2. Индустриальная рациональность и её пределы	20
3.3. Цифровая эпоха: новые понятия или переупаковка старых?	21
ЧАСТЬ II. КРИЗИС СТАРЫХ СМЫСЛОВ	24
Глава 4. Интеллектуальное истощение индустриальной эпохи	26
4.1. Устаревший каркас: как индустриальные понятия всё ещё управляют нами	26
4.2. Линейное мышление перед лицом нелинейной реальности	27
4.3. Механистическая метафора и её границы	28
4.4. Модели успеха, исчерпавшие себя	30
4.5. Человек-ресурс: финальный диагноз	31
Глава 5. Будущее без смыслов	33
5.1. Технологическое развитие, обгоняющее осмысление	33
5.2. Фрагментация: мир, в котором невозможно собрать картину целого	34
5.3. Когнитивная перегрузка и истощение внимания	35
5.4. Исчезновение долгосрочного мышления	36
5.5. Этическая пустыня: почему старые моральные системы не справляются	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Концептуальная футурология: Проектирование смыслов будущего

Николай Атаманенко

© Николай Атаманенко, 2026

ISBN 978-5-0071-0169-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Карта смыслового континента

I. Будущее как незаселённая смысловая территория

Разговор о будущем обычно начинается с цифр. Демографические прогнозы, темпы технологического роста, кривые изменения климата, динамика рынков — всё это создаёт иллюзию, что завтрашний день можно разглядеть в правильно построенной таблице. Споры нет, количественные методы дают важную информацию. Но они упускают из виду самое существенное: прежде чем любое явление станет измеримым, оно должно возникнуть как идея, как понятие, как нечто, чему ещё только предстоит получить имя.

Представьте себе географическую карту, на которой обозначена береговая линия, реки, горы, но отсутствуют названия. Такая карта бесполезна для ориентирования. Примерно так устроено большинство современных прогнозов: они картируют технологические и социальные сдвиги, но не называют смыслы, которые эти сдвиги понесут с собой. А между тем именно смыслы определяют, будет ли новая технология воспринята как благо или угроза, породит ли она новые институты или останется игрушкой, изменит ли поведение миллионов людей или уйдёт в песок.

Будущее — это не просто временной период. Это смысловая территория, которая сейчас не заселена, но уже доступна для проектирования. Мы не знаем точно, какие слова будут определять жизнь через двадцать лет. Но мы знаем, что эти слова не возникнут сами собой. Они будут созданы — сознательно или случайно, в лабораториях, в публичных дискуссиях, в художественных образах, в стратегических документах и в повседневных разговорах. Вопрос не в том, появятся ли новые понятия. Вопрос в том, кто их создаст, на каких основаниях и с какими последствиями.

Именно здесь вступает в дело концептуальная футурология. Её центральная предпосылка состоит в том, что будущее сначала возникает как смысловая конструкция. Прежде чем стать технологией, институтом, социальной нормой или экономическим укладом, оно существует в форме идей, понятий, метафор, ценностей и воображаемых возможностей. Это не отменяет значимости материальных факторов — ресурсов, географии, демографии. Но это означает, что материальные факторы сами по себе не определяют направление цивилизационного развития. Они лишь создают ограничения и возможности. А выбор пути происходит на уровне смыслов.

Концептуальная футурология работает с тем слоем реальности, который большинство прогнозов обходит молчанием. Она изучает, как возникают, закрепляются и сменяют друг друга понятия, через которые общества осмысляют себя и своё будущее. И — что ещё важнее — она предлагает инструменты для осознанного участия в этом процессе. Не для предсказания будущего, а для его проектирования на том уровне, где оно действительно начинается.

Слово «проектирование» здесь не случайно. Оно указывает на деятельную позицию: будущее не случается с нами, мы соучаствуем в его создании — хотя бы потому, что наши сегодняшние представления о завтрашнем дне влияют на наши сегодняшние действия. Концептуальная футурология превращает это интуитивное соучастие в осознанную практику.

II. Концептуальный форсайт: метод трёх шагов

В основе книги лежит метод, который мы называем концептуальным форсайтом. Термин «форсайт» (от английского foresight — систематическое предвидение, проектирование

образов будущего) уже давно используется в стратегическом планировании. Но традиционный форсайт работает преимущественно с трендами: технологическими, экономическими, социальными. Концептуальный форсайт смещает фокус на семантические инновации — новые понятия, через которые люди будут думать, принимать решения и строить институты. Концептуальный форсайт создает интеллектуальные конструкции, сценарии и карты, позволяющие формировать будущее для сообществ, организаций, общества и человечества. Это работа с будущими понятиями, ценностями и моделями.

Этот метод не является набором абстрактных рекомендаций. Он организован в три последовательных шага, каждый из которых можно осваивать и применять независимо, но полная сила метода раскрывается при их совместном использовании. Три шага образуют цикл, который читатель пройдет вместе с автором по мере развёртывания книги.

Первый шаг: семантическая археология. Прежде чем создавать новое, необходимо понять, что уже встроено в существующие понятия. Каждое слово, которое мы используем сегодня, несёт в себе слои исторических значений, культурных предписаний и неявных допущений. Свобода — это отсутствие ограничений или способность к осмысленному выбору? Прогресс — это рост количественных показателей или усложнение системы? Интеллект — это вычислительная мощность или способность к различению? Семантическая археология извлекает эти скрытые значения, показывая, какие из них продолжают работать, а какие стали незаметными тормозами. Будущее начинается с обнаружения того, чего не хватает в понятийной системе настоящего, — с диагностики смысловых дефицитов.

Второй шаг: генерация смысловых мутаций. Это творческое ядро метода. Новые понятия редко рождаются из пустоты. Чаще они возникают как гибриды — скрещивания далёких друг от друга смысловых полей. «Экономика внимания» — гибрид экономики и когнитивной науки. «Информационный иммунитет» — гибрид биологии и теории информации. Генерация смысловых мутаций — это целенаправленное создание таких гибридов, а также переопределение существующих понятий, восстановление забытых значений и конструирование новых. Цель этого шага — не придумать как можно больше неологизмов, а найти те понятия, которые способны лучше удерживать сложность наступающей эпохи.

Третий шаг: цивилизационное прототипирование. Созданное понятие должно быть проверено на жизнеспособность. Недостаточно, чтобы новый концепт был красив или интеллектуально увлекателен. Он должен выдерживать давление реальности — в том числе экстремальных и нежелательных сценариев. Как поведёт себя предлагаемое понятие при глубоком социальном расколе? При радикальной технологической трансформации? При дефиците ресурсов? Цивилизационное прототипирование тестирует новые смыслы на прочность, отсеивая те, которые разрушаются при столкновении со сложностью, и развивая те, которые обнаруживают устойчивость. Этот шаг превращает концептуальную футурологию из спекулятивного занятия в инженерную практику — практику смыслового проектирования с предсказуемыми последствиями.

Эти три шага не являются линейным алгоритмом, который выполняется один раз. Они образуют цикл: результаты прототипирования возвращают нас к археологии, вскрывая новые дефициты; мутации порождают понятия, требующие тестирования; тестирование подсказывает новые направления поиска. Книга построена так, чтобы читатель мог пройти этот цикл сначала вместе с автором, а затем — самостоятельно, используя инструментарий, изложенный в заключительной части.

III. Как читать эту книгу: навигация для интеллектуального проводника

Эта книга не принадлежит ни одному чистому жанру, и это намеренное решение. Философское исследование соседствует здесь с методологическим руководством, исторический

анализ — со сценарным моделированием, теоретические построения — с практическими упражнениями. Такой сплав продиктован существом дела: смыслы, управляющие развитием цивилизации, не живут в одном департаменте реальности. Они пронизывают язык, экономику, технологию, образование и повседневность одновременно. Чтобы работать с ними, требуется междисциплинарная оптика.

Поэтому книгу можно читать разными способами — и полезно представлять их заранее, чтобы каждый читатель мог выстроить собственную траекторию.

Последовательное чтение подойдёт тем, кто впервые входит в проблематику концептуальной футурологии. Часть I закладывает философский фундамент: будущее как смысловая конструкция, роль понятий в создании реальности, история смысловых революций. Часть II диагностирует кризис: устаревание индустриальных понятий, опасность технологического развития без ценностной архитектуры, борьбу за право определять смыслы. Часть III вводит метод трёх шагов во всей его полноте. Часть IV применяет метод к ключевым сферам: человек, экономика, образование, искусственный интеллект, цивилизационные модели. Часть V переводит теорию в личную и коллективную практику. Это путь от понимания через метод к действию.

Тематическое чтение — для тех, кто хочет сразу войти в конкретную область. Читатель, интересующийся прежде всего образованием, может начать с глав 13 и 16, а затем вернуться к методологическому фундаменту. Тот, кто работает с искусственным интеллектом, — с главы 14. Тот, кто ищет инструменты личного стратегирования, — с главы 17. Книга снабжена внутренними перекрёстными ссылками, позволяющими при таком избирательном чтении быстро находить необходимые основания в более ранних частях.

Инструментальное чтение адресовано практикам, которым нужен работающий инструмент. Для них — Приложение с глоссарием, шаблонами, схемами и упражнениями. Оно позволяет сразу приступить к самостоятельной работе, возвращаясь к соответствующим главам за более глубоким пониманием.

При любом способе чтения стоит удерживать в сознании главный нерв книги. Концептуальная футурология — не про то, как предсказать будущее. Она про то, как перестать быть пассивным потребителем унаследованных смыслов и стать соавтором тех понятий, которые определяют жизнь следующих поколений. Это не технический навык в ряду других, а базовая способность, необходимая каждому, кто работает со сложными системами, долгосрочными стратегиями и человеческим развитием.

Читатель, для которого эта тема нова, может поначалу ощутить сопротивление материала. Работа со смыслами требует переключения из привычного режима мышления — предметного, классифицирующего, оперирующего готовыми понятиями — в режим мышления о самих понятиях. Это метауровень, и вход в него требует усилия. Но именно на этом уровне принимаются самые важные решения — те, что определяют, в каком мире мы окажемся через десять, двадцать, пятьдесят лет.

Книга не обещает простых ответов. Она предлагает карту территории, на которой ответы ещё предстоит создать. И первый шаг по этой территории мы сделаем прямо сейчас.

Николай Атаманенко, г. Белгород, 2026 г.

ЧАСТЬ I. БУДУЩЕЕ КАК СМЫСЛОВАЯ КОНСТРУКЦИЯ

Мы привыкли думать о будущем как о том, что наступает. Как о временном отрезке, который отделён от нас движущейся границей настоящего и который постепенно заполняется событиями. Эта привычка настолько сильна, что мы редко задаёмся вопросом: а из чего, собственно, состоит это наступающее? Из каких материалов оно строится до того, как стать осязаемой реальностью?

Центральный тезис этой книги, сформулированный во Введении, состоит в том, что будущее имеет свою субстанцию. И эта субстанция — не временной отрезок, а смыслы. Это **материал**, который мы лепим сегодня. Слова, образы и ценности, которые мы решаем разделять прямо сейчас. Прежде чем воплотиться в технологии, институты, архитектуру, экономические отношения и повседневные практики, любое значительное изменение сначала возникает как идея, как понятие, как метафора, как ценностный сдвиг, как образ того, что возможно и желательно. Этот невидимый, но исключительно мощный слой реальности и есть предмет концептуальной футурологии.

Часть I разворачивает и обосновывает этот тезис. Она не даёт готовых рецептов — для этого предназначены последующие части. Её задача иная: переключить читательское внимание с поверхности событий на их смысловую подкладку, с готовых институтов на понятия, которые их породили, с прогнозов и трендов на образы будущего, которые управляют настоящим.

Глава 1 начинается с простого, но далеко идущего наблюдения: люди действуют не только исходя из прошлого опыта и текущих обстоятельств, но и исходя из своих представлений о завтрашнем дне. Образ будущего — будь то ожидание прогресса, страх катастрофы или надежда на преображение — влияет на сегодняшние решения сильнее, чем принято считать. Он формирует экономическое поведение, политические предпочтения, личные стратегии и коллективные мифы. Мы живём внутри этих образов, часто не замечая их, как не замечаем воздух, которым дышим.

Глава 2 углубляет анализ и показывает механизм, посредством которого понятия создают реальность. Речь идёт не о магии слов, а о цепочке последовательных преобразований: новое понятие меняет способ мышления, изменённое мышление порождает новые решения, новые решения отливаются в институты, институты формируют цивилизационный уклад. История знает множество примеров того, как сдвиг в значении одного ключевого понятия — «справедливость», «труд», «свобода», «знание» — приводил к трансформации целых обществ. Эта глава вводит инструмент семантической археологии, который станет одним из центральных во всей книге, и показывает, как извлекать скрытые слои значений из привычных слов, и вооружает нас методом, позволяющим вскрыть древние пласты смыслов, похороненные под привычными, казалось бы, нейтральными словами.

Глава 3 рассматривает человеческую историю как историю смысловых революций. Три великих концептуальных перехода — от мифа к религии, от религии к проекту Просвещения, от Просвещения к индустриальной рациональности — предстают здесь не как смена технологий или политических форм, а как смена базовых понятий, на которых строилась вся остальная жизнь. Финальная часть главы ставит вопрос, ради которого и задумана вся эта историческая ретроспектива: произошла ли в цифровую эпоху подлинная смысловая революция, или мы по-прежнему пользуемся индустриальными понятиями, лишь переупакованными в новые термины?

Ответ на этот вопрос определит направление дальнейшего движения. Если старые смыслы ещё способны удерживать сложность наступающего мира, кризиса нет. Если же они

исчерпаны — а именно таков диагноз, который будет развёрнут в Части II, — то перед нами встаёт задача осознанного проектирования новых. Именно для этого и создавался инструментарий концептуального форсайта.

Но, прежде чем переходить к кризису и методологии, необходимо освоить саму оптику: научиться видеть будущее не как календарную дату, а как пространство смыслов, которые ещё только предстоит создать. Этому переключению оптики и посвящена Часть I. Мы не ищем ответы в прошлом — мы учимся замечать, как будущее *рождается* прямо сейчас в языке, которым мы говорим. Добро пожаловать в смысловую конструкцию.

Глава 1. Человек живёт внутри образов будущего

1.1. Воображаемое завтра как двигатель настоящего

В 2007 году, за считанные месяцы до глобального финансового кризиса, экономические модели демонстрировали устойчивый рост. Данные, индексы, графики — всё говорило о том, что система стабильна. Однако кризис случился. И случился он не потому, что рухнул какой-то завод или иссякли запасы нефти. Он случился потому, что *ожидание* кризиса достигло критической массы. Всего лишь за несколько недель миллионы людей перестали верить в понятие «ликвидность», а у банков исчезло доверие. Стоило сообществу игроков, даже не имея на руках никаких вещественных доказательств грядущей катастрофы, *поверить* в её неизбежность, как эта вера мгновенно материализовалась в обвале рынков.

Этот феномен — **обратное действие будущего** — является ключевым для понимания того, как устроен мир. В отличие от биологических видов, которые реагируют только на актуальные раздражители, люди строят свои действия в ответ на *воображаемые* события. Ожидания, надежды, страхи, предчувствия — это не просто эмоциональный фон. Это мощные операционные системы, которые буквально заставляют нас двигаться в определённую сторону сегодня.

Возьмите сферу технологий. Мобильная связь в её современном виде не была предсказана как плавное развитие стационарных телефонных сетей. Она была *воображена* до того, как появилась. Писатели, инженеры-мечтатели и даже режиссёры создали образ «человека, всегда доступного для связи». Этот образ уже жил в умах людей, и инженеры просто искали способ его воплотить. Образ будущего управлял настоящим, заставляя вкладывать ресурсы в беспроводную связь, а не в развитие медных проводов.

В политике это работает ещё очевиднее. Политический лидер, способный создать убедительный образ «светлого будущего», часто выигрывает выборы у оппонента, предлагающего лишь улучшение настоящего. Люди голосуют не за бюджет, а за *обещание идентичности*, за картинку того, кем они станут завтра.

Каждый день мы принимаем решения — от выбора профессии до смены места жительства, от инвестиций до создания семьи — исходя из нашего *внутреннего сценария* будущего. Если этот сценарий рушится или перестаёт быть привлекательным, наступает паралич воли, и весь сегодняшний день теряет для нас ценность. Тот факт, что конкретный «завтрашний день» никогда не наступает в точности так, как мы его представляли, не отменяет главного: **то, как мы думаем о будущем, определяет то, как мы живём в настоящем.**

1.2. Коллективные мифы и нарративы: как общества договариваются о горизонте

Отдельные люди зависят от личного образа будущего. Целые цивилизации зависят от коллективных образов — того, что мы называем **нарративами**. В основе любого общества, любой крупной социальной группы лежит не просто набор законов и экономических правил, а разделяемая всеми история о том, куда эта группа движется.

Таких фундаментальных историй в истории человечества было не так много. Можно выделить несколько базовых: **миф о Золотом веке** (где будущее — это возвращение к утраченному идеальному прошлому); **нарратив прогресса** (где будущее — это неизбежное улучшение и рост); **апокалиптический нарратив** (где будущее несёт гибель, и надо лишь подго-

товиться или отсрочить её); и, наконец, **нарратив технологического рая** (где будущее — это решение всех проблем через технологии).

Воины древней Спарты воевали и умирали, подчиняясь нарративу *чести и служения полису*. Европейские крестьяне в средневековье строили жизнь на основе нарратива *греховности и спасения*. Человек эпохи Просвещения уже жил в нарративе *прогресса разума*. А современный житель мегаполиса, сам того не замечая, погружён в смесь нарратива *потребления* (жизнь как акт покупки и использования) и нарратива *карьеры* (жизнь как восходящая линия успеха).

Все эти нарративы работают как **неявный общественный договор о будущем**. Они задают «горизонт допустимого» — рамки, за которыми действия человека начинают казаться окружающим безумными или нерациональными. Например, в нарративе индустриального роста было абсолютно нормально вырубать леса и загрязнять реки, потому что на горизонте это считалось «прогрессом». Но когда коллективный нарратив сместился в сторону «экологического выживания», те же самые действия внезапно стали преступными. Мир вокруг нас объективно не изменился за одну ночь. Изменился горизонт, изменился **нарративный горизонт**, через который мы смотрим на этот мир.

Любая социальная трансформация начинается не с законов и не с баррикад. Она начинается с изменения коллективного нарратива. Когда достаточное количество людей перестаёт верить в одну историю и начинает разделять другую, старые институты рушатся сами собой.

1.3. Цивилизационные ставки: почему образ будущего важнее ресурсов

Историческая наука долгое время объясняла взлёты и падения цивилизаций исключительно материальными факторами: плодородием почв, доступом к морям, запасами полезных ископаемых. Но эта модель всегда давала сбой. Почему же Римская империя, обладая огромными ресурсами, пала, а маленькие германские племена, двигавшиеся её на закате, не просто выжили, но и определили лицо будущей Европы? Почему Венеция, не имея собственных полей и лесов, веками была центром мирового богатства и культуры?

Ответ лежит в плоскости смыслов. Римская империя к V веку нашей эры исчерпала не золото и железо. Она исчерпала свой *нарратив*. Идея Рима как Вечного Города, как цивилизации, управляемой законом и доблестью, перестала вдохновлять. Люди перестали чувствовать себя частью этого великого проекта. А когда смысл уходит, оставшееся могущество часто оказывается лишь хрупкой оболочкой, которая рассыпается от первого внешнего толчка.

Мы можем взглянуть на конкуренцию смысловых проектов в гораздо более близкую нам эпоху — Холодную войну. С точки зрения ресурсов, Советский Союз имел колоссальные преимущества: огромная территория, богатейшие недра, мощная армия. Соединённые Штаты, напротив, вынуждены были строить свою экономику в условиях дефицита многих ресурсов. И тем не менее, крах случился у первой системы. Почему? Потому что «образ будущего» — глянцево-потребительский, либеральный и динамичный, который транслировал Запад, — оказался убедительнее на уровне личных человеческих смыслов, чем «светлое будущее» в виде глобальной индустриальной стройки. Люди голосовали ногами (и мозгами) за ту карту смыслов, которая выглядела более живой и человеческой.

Сегодня мы живём в эпоху нового смыслового противостояния. Идёт борьба за то, какими понятиями будет оперировать человечество через 20 лет. Будет ли «экономика» означать рост ВВП или благополучие экосистемы? Будет ли «суверенитет» означать закрытость границ или способность производить уникальные смыслы? Будет ли «интеллект» измеряться тестами IQ или способностью удерживать сложность мира?

Нарративный горизонт задаёт экономическую модель. Экономическая модель определяет, какие технологии будут окупаться. А технологии формируют быт, политику и сознание.

Таким образом, **контроль над образом завтрашнего дня — это и есть контроль над траекторией развития**. Тот, кто навязывает миру свои определения, получает в своё распоряжение самый ценный ресурс: человеческую волю. Если вы контролируете смыслы, вам не нужно захватывать заводы — люди сами будут строить заводы по вашим чертежам, создавая ту реальность, которую вы для них вообразили.

Именно эту игру мы наблюдаем сегодня, когда в мире сосуществуют разные проекты цивилизаций, пытающиеся перехватить этот нарративный горизонт. И чтобы не оказаться пассивным объектом этой игры, нужно научиться видеть, как работают смыслы. Мы переходим к следующему уровню этой оптики — к анатомии понятий. Потому что, как мы выяснили, любая карта будущего начинается с одного, самого первого слова.

Глава 2. Как понятия создают реальность

2.1. Цепочка смыслопорождения: от концепта к институту

В предыдущей главе мы установили, что образ будущего активно влияет на настоящее. Теперь необходимо понять, как именно это влияние устроено. Через какой механизм абстрактная идея становится осязаемой реальностью — законом, зданием, рыночной моделью, системой образования, повседневной привычкой?

Рисунок 1. – Цепочка смыслопорождения: от концепта к институту.

Этот механизм можно представить в виде цепочки последовательных преобразований. Её звенья: понятие — мышление — решение — институт — цивилизация. Проследим её работу на нескольких примерах, чтобы увидеть, как концепт, существующий первоначально лишь в сознании, постепенно обретает плоть.

Возьмём понятие «суверенитет». Сегодня оно кажется чем-то само собой разумеющимся, но так было не всегда. В средневековой Европе политическая власть была рассредоточена между множеством субъектов: монархами, церковью, феодалами, городами. Сама идея о том, что существует единая и неделимая верховная власть на определённой территории, возникла как концептуальная инновация — первоначально в трудах юристов и философов XVI—XVII веков. Это было именно новое понятие, новое различие: суверенитет как атрибут государства, отличающий его от всех других форм власти.

Понятие «суверенитет» изменило мышление правителей и их советников: теперь они мыслили свою власть не как совокупность личных прав и привилегий, а как единое целое, требующее защиты и укрепления. Изменённое мышление породило новые решения: централизация управления, создание постоянных армий, установление государственных границ, подавление внутренних конкурентов. Эти решения, повторяясь и закрепляясь, отлились в институты: бюрократию, дипломатию, международное право. А институты, в свою очередь, сформировали тот тип цивилизации, который мы называем системой национальных государств и в котором живём по сей день. Цепочка замкнулась: от концепта до цивилизационного уклада.

Другой пример — понятие «личность». В античном мире человек мыслился прежде всего как член полиса, в средневековье — как часть сословного и религиозного порядка. Идея о том,

что каждый человек обладает неотчуждаемым достоинством и правами просто в силу своей принадлежности к человеческому роду, была концептуальной революцией, растянувшейся на столетия. Поначалу это было философское и богословское понятие. Затем оно изменило мышление образованных слоёв. Затем породило политические решения: декларации прав, отмену рабства, расширение избирательного права. Затем отлилось в институты: конституционные суды, правозащитные организации, образовательные системы, основанные на идее развития личности, а не просто передачи навыков. Сегодня мы настолько привыкли к этому концепту, что с трудом можем представить общество, устроенное иначе, — но именно понятие «личность» сделало такое общество возможным.

Третий пример — понятие «эффективность» в его индустриальном понимании. Первоначально это была инженерная концепция, описывавшая отношение затрат к результату в механических системах. Затем она была перенесена на управление предприятиями — появился тейлоризм с его хронометражом и оптимизацией. Затем проникла в государственное управление — возникла идея «эффективного государства». Затем стала критерием оценки образования, здравоохранения, науки, искусства. Сегодня эффективность — одно из самых влиятельных понятий, управляющих принятием решений во всех сферах, от корпоративного менеджмента до личной жизни. И если мы захотим усомниться в её всевластии, нам придётся вскрыть её концептуальную историю — чем мы и займёмся в следующем разделе.

Эти три примера показывают, что между рождением понятия и его материализацией в институтах проходит время — иногда десятилетия, иногда столетия. Но направление движения одно и то же: новый концепт порождает новый тип мышления, из которого вырастают новые решения, закрепляющиеся в институтах и формирующие цивилизационный каркас. Совокупность таких цепочек образует то, что можно назвать смысловым скелетом общества — невидимую, но несущую конструкцию, на которой держится всё остальное.

Смысловой скелет не является статичным. Он меняется — медленно, но неотвратимо. Старые понятия утрачивают силу, новые набирают её. Иногда скелет ломается резко — это и есть революция в буквальном смысле слова: слом несущих конструкций. Но чаще изменения происходят незаметно, и мы продолжаем пользоваться словами, не подозревая, что их содержание изменилось до неузнаваемости. Именно поэтому нам нужен метод, позволяющий эти изменения отслеживать.

2.2. Семантическая археология: раскопки устаревших значений

Семантическая археология — это первый шаг концептуального форсайта, введённого во Введение. Её задача — извлекать скрытые слои значений из привычных понятий. Подобно тому как археолог снимает культурные слои, чтобы добраться до фундамента древнего города, концептуальный археолог снимает исторические, идеологические и культурные наслоения, осевшие на словах, которыми мы пользуемся ежедневно.

Зачем это нужно? Дело в том, что понятия редко умирают. Чаще они накапливают значения, как корабль — ракушки. Новое значение не отменяет старое, а наслаивается на него, часто вступая с ним в конфликт. Когда мы произносим слово «прогресс», мы одновременно — сами того не замечая — обращаемся к нескольким разным и плохо совместимым смыслам. То же самое происходит со словами «свобода», «развитие», «интеллект». Семантическая археология вскрывает эту многослойность и делает её видимой.

Рассмотрим понятие «прогресс». В его современном употреблении смешаны по меньшей мере три слоя. Первый — религиозный: идея движения истории к заранее предопределённой цели, от грехопадения к спасению. Христианская историософия впервые придала времени линейную и осмысленную направленность, и эта схема была унаследована светским мышлением. Второй слой — просвещенческий: прогресс как совершенствование разума, морали и

общественного устройства, постепенное освобождение человека от невежества и тирании. Третий слой — индустриальный: прогресс как количественный рост, увеличение мощности, скорости, производительности. Эти три слоя не просто сосуществуют; они конфликтуют. Что считать прогрессом сегодня: духовное совершенствование, расширение свобод или рост валового продукта? Понятие «прогресс» не даёт ответа — оно скрывает конфликт внутри себя.

Теперь возьмём понятие «свобода». Его античный слой — свобода гражданина, то есть право участвовать в управлении полисом, противопоставленное рабской доле. Средневековый слой — свобода как вольность, дарованная сюзереном, привилегия, а не всеобщее право. Либеральный слой — свобода как невмешательство, отсутствие внешнего принуждения. Экзистенциальный слой — свобода как способность к выбору, конституирующему саму личность. Каждый из этих слоёв тянет в свою сторону. Когда в политическом споре сталкиваются сторонники «свободы», они часто говорят о разных свободах, сами того не осознавая. Семантическая археология выявляет эти различия и делает спор осмысленным.

Понятие «интеллект» прошло не менее извилистый путь. В античности ум созерцательный ставился выше ума практического. В средневековье интеллект был способностью к постижению божественного порядка. В Новое время он стал инструментом познания природы и решения практических задач. В индустриальную эпоху интеллект начали мерить тестами — он стал измеримой величиной, подобной росту или весу. В цифровую эпоху интеллект всё чаще отождествляется с вычислительной мощностью. Но достаточно поставить простой вопрос — что общего между мудростью старца и скоростью процессора? — чтобы увидеть, насколько слои расходятся.

Зачем вскрывать эти наслоения? По двум причинам. Во-первых, чтобы понять, что многие современные конфликты являются не столкновениями интересов, а столкновениями различных значений одного и того же слова. Люди спорят о свободе, имея в виду разное. Общества спорят о прогрессе, не подозревая, что оперируют разными концепциями прогресса. Прояснение значений не устраняет конфликт, но переводит его из слепого столкновения в осмысленный диалог. Во-вторых, семантическая археология позволяет обнаружить смысловые дефициты — места, где старые слои перестали работать, а нового ещё нет. Именно в этих разрывах и будет происходить рождение будущих понятий.

2.3. Как незаметно меняются понятия — и поворачивают цивилизации

Понятия меняются не только в результате сознательных усилий философов и законодателей. Чаще изменения происходят незаметно, накапливаясь в повседневном употреблении до тех пор, пока количественный сдвиг не переходит в качественный. Общество вдруг обнаруживает, что слово, которым оно пользовалось столетиями, обозначает уже нечто иное — и вместе со словом изменилась реальность.

Обратимся к истории понятия «справедливость». В архаических обществах справедливость означала восстановление нарушенного равновесия: око за око, возмещение ущерба по строго определённой таксе. В античных полисах появилась идея распределительной справедливости — каждому по его заслугам и по его положению. Христианство ввело парадоксальное измерение справедливости как милости, превышающей закон. Новое время добавило идею справедливости как равенства перед законом, а затем — как равенства возможностей. В XX веке возникла концепция социальной справедливости, требующей перераспределения ресурсов. Сегодня мы являемся свидетелями появления новых значений: справедливость как признание, как инклюзивность, как восстановление исторических обид. Каждое из этих переопределений было не просто сменой словарной статьи — оно приводило к реформам, революциям,

переустройству институтов. Борьба за новое понимание справедливости была и остаётся борьбой за новое общество.

Понятие «труд» проделало не менее драматичную эволюцию. В античности труд, особенно физический, считался уделом несвободных и не вполне достойным гражданина. Средневековые частично реабилитировали труд как форму служения, но всё ещё ставило созерцательную жизнь выше деятельной. Протестантская этика произвела переворот: труд стал религиозным призванием, способом мирской аскезы. Индустриальная эпоха превратила труд в товар, продаваемый на рынке, а затем — в источник прав и социальной идентичности. Сегодня мы наблюдаем очередной сдвиг: труд перестаёт быть единственным источником идентичности, появляются разговоры о посттрудовом обществе, о необходимости базового дохода, о том, что деятельность, не являющаяся трудом в экономическом смысле, может быть общественно значимой. Старое понятие трещит по швам, и от того, какое новое понятие придёт ему на смену, зависит устройство экономики, социального обеспечения и самой жизни миллионов людей.

Третий пример — «знание». В устных культурах знание было тождественно памяти: знать означало помнить. С появлением письменности знание стало тем, что зафиксировано в тексте. Новое время отождествило знание с научным знанием, то есть с результатом методического исследования, проверяемого опытом. Индустриальная эпоха сделала знание предметом массовой передачи через систему образования — оно стало тем, что можно выучить и сдать на экзамене. Цифровая эпоха поставила под вопрос само существование знания как запаса: если любая информация доступна в любой момент, что значит «знать»? Появилось различие знания и информации, знания и компетенции, знания и мудрости. Понятие, ещё недавно казавшееся ясным, снова стало проблемой.

Каков механизм этих мутаций? Часто они начинаются с того, что кто-то — философ, писатель, политик, изобретатель — употребляет слово в новом контексте, расширяя или сменяя его значение. Если контекст оказывается влиятельным, новое употребление подхватывается другими. Постепенно оно входит в язык, сначала как маргинальное, затем как допустимое, затем как нормативное. А затем, оглядываясь назад, люди с удивлением обнаруживают, что прежнее значение почти забыто — и вместе с ним забыта та реальность, которую оно описывало.

Если мы попытаемся уловить сам **механизм сдвига**, то увидим, что он всегда проходит через три стадии. Сначала происходит **разрыв** — старое понятие перестаёт схватывать новую реальность, и этот разрыв чувствуют единицы (художники, философы, инженеры). Затем происходит **эксперимент** — кто-то начинает использовать слово в необычном значении, и если это значение оказывается эвристичным, оно начинает распространяться в узких сообществах. И наконец, наступает **нормализация** — новое значение проникает в массовое сознание, закрепляется в документах, институтах и законах, делая старый смысл архаичным.

Этот трёхтактный ритм (разрыв — эксперимент — нормализация) повторяется на протяжении всей истории человечества. От античности до цифровой эпохи мы видим одни и те же этапы: сначала кто-то замечает, что мир изменился, но слов для этого нет; затем он предлагает новые слова; и, наконец, эти слова становятся несущей конструкцией эпохи. Именно этот процесс мы будем наблюдать на макроуровне в следующей главе

Случайные мутации, однако, — лишь часть картины. Существуют и целенаправленные усилия по изменению понятий. Вспомним, как понятие «демократия» последовательно переопределялось: от прямой демократии полисов через представительное правление к либеральной демократии с набором прав и свобод, а затем к современным спорам о том, является ли демократией режим, в котором формальные процедуры соблюдены, но реальное влияние граждан минимально. Каждое переопределение было не академическим упражнением, а стратегическим действием, влиявшим на распределение власти. Контроль над значением ключевых слов — один из важнейших инструментов политической борьбы.

Подведём итог. Понятия — не нейтральные инструменты описания реальности. Они активно участвуют в её создании. Они направляют мышление, предписывают решения, отливаются в институты и формируют цивилизационные уклады. Они многослойны, и их слои часто конфликтуют. Они меняются — иногда незаметно, иногда резко, — и вместе с ними меняется мир. Именно поэтому история человечества может быть прочитана как история смысловых революций — как история рождения, трансформации и гибели ключевых понятий.

К такому прочтению мы и переходим в следующей главе.

Глава 3. История человечества как история смысловых революций

3.1. Миф, религия, разум: три великих концептуальных перехода

Человечество прожило несколько фундаментальных трансформаций, каждая из которых была не просто сменой технологического уклада или политического строя, но прежде всего — сменой смысловой организации. Менялись не отдельные понятия, а сами способы их создания, критерии их истинности и механизмы их передачи. Эти переходы настолько глубоки, что мы, находясь внутри последнего из них, с трудом можем вообразить мышление людей предыдущих эпох. Однако без такого воображения невозможно понять, из какого смыслового материала построена наша собственная современность.

Первая великая смысловая революция — переход от мифологического мышления к религиозным системам — произошла в так называемое осевое время, между VIII и III веками до нашей эры. Карл Ясперс, введший это понятие, указал на удивительный параллелизм: в Китае, Индии, Персии, Палестине и Греции почти одновременно возникли учения, радикально изменившие сам способ осмысления мира.

Мифологическое мышление было погружено в природу и не знало дистанции между человеком и космосом. Мир населялся множеством сил, с которыми человек взаимодействовал через ритуал. Понятия не были абстрактными — они были привязаны к конкретным образам, местам, действиям. Не существовало идеи единой истины, универсальной для всех людей. Истина была локальной, племенной, ситуативной. Время мыслилось циклически — как вечное возвращение одного и того же.

Религиозная революция осевого времени ввела несколько принципиально новых концептов. Во-первых, понятие трансцендентного — реальности, которая превосходит видимый мир и служит его источником и мерилom. Во-вторых, понятие единой истины, которая не зависит от места, племени или ситуации. В-третьих, понятие индивидуальной ответственности: человек впервые осмысливается как существо, чья судьба зависит от личного морального выбора, а не только от принадлежности к роду и соблюдения ритуалов. В-четвёртых, возникает линейное время — история как направленный процесс, имеющий начало и конец, а не как бесконечный круговорот.

Эти новые понятия не просто добавились к старым — они перестроили всё смысловое пространство. Появились священные тексты, фиксирующие истину в письменном виде, — и это изменило саму природу знания. Появились институты толкования — жречество, духовенство, раввинат, — монополизировавшие право определять, что истинно. Появились ортодоксия и ересь: если истина одна, то отклонение от неё становится не просто другой точкой зрения, а угрозой самому миропорядку. Цивилизация обрела жёсткий смысловой каркас, способный удерживать единство огромных человеческих масс на протяжении столетий.

Вторая великая смысловая революция — переход от религиозной картины мира к проекту Просвещения — началась в Европе XVI—XVII веков и достигла кульминации в XVIII столетии. Это не был внезапный разрыв: религиозные понятия ещё долго жили внутри просвещенческих, как мы увидим далее. Но направленность сдвига очевидна: истина перестала быть предметом откровения и стала предметом разума.

Ключевые понятия этой революции хорошо известны. Разум — не как способность постигать божественный порядок, а как автономный инструмент познания, не нуждающийся во

внешнем авторитете. Природа — не как творение, несущее символические послания Творца, а как система, подчиняющаяся объективным законам. Человек — не как творение, чьё достоинство производно от Творца, а как самостоятельный субъект, обладающий неотчуждаемыми правами. Общество — не как иерархия, освящённая традицией, а как результат общественного договора между свободными индивидами.

Эта революция породила те институты, которые мы до сих пор считаем базовыми для современности: конституционное государство, светское образование, научные академии, свободную прессу, рынок как саморегулирующийся механизм. Она же создала понятие прогресса в его светском понимании — как неограниченного совершенствования разума и общественного устройства. И она же, что принципиально важно для нашей темы, создала иллюзию, что понятия — это просто инструменты описания объективной реальности, а не активные участники её создания. Научная рациональность стремилась устранить смысл как субъективную примесь и оставить только факты. Эта установка сама была смысловым выбором огромной силы.

К концу XIX — началу XX века просвещенческий проект начал обнаруживать внутренние напряжения. Разум, освобождённый от традиции, породил не только науку, но и идеологии, каждая из которых претендовала на научность. Автономный субъект оказался не таким автономным, как предполагалось: Маркс показал его зависимость от экономических структур, Фрейд — от бессознательных влечений, Ницше — от воли к власти. Единая истина рассыпалась на множество перспектив. Началось то, что позже назовут кризисом модерны, — и из этого кризиса выросла третья революция, в которой мы находимся по сей день.

3.2. Индустриальная рациональность и её пределы

Прежде чем перейти к цифровой эпохе, необходимо выделить особый этап, который часто упускается из виду именно в силу своей кажущейся очевидности. Между просвещенческой рациональностью и современным цифровым мышлением располагается эпоха, которую можно назвать индустриальной рациональностью. Она унаследовала от Просвещения веру в разум и прогресс, но переосмыслила их в категориях, порождённых фабрикой, конвейером и централизованным государством.

Индустриальная рациональность — это не просто применение науки к производству. Это целостная смысловая система, создавшая собственный набор базовых понятий, которые до сих пор определяют устройство большинства институтов. Рассмотрим главные из них.

Эффективность. В доиндустриальном мире деятельность оценивалась по множеству критериев: соответствие традиции, религиозная правильность, социальная уместность, эстетическое качество. Индустриальная эпоха вывела эффективность — отношение результата к затратам — в ранг универсального мерила. Хорошо то, что эффективно. Это понятие последовательно завоёвывало одну сферу за другой: производство, управление, образование, здравоохранение, искусство, личную жизнь. Сегодня мы настолько срослись с ним, что вопрос «эффективно ли это?» кажется единственно разумным, а любой другой критерий — подозрительно субъективным.

Стандартизация. Индустриальное производство требовало взаимозаменяемых деталей. Этот принцип был перенесён на людей и институты. Стандартизация образования — единые программы, единые экзамены, единые критерии оценки. Стандартизация профессиональных траекторий — дипломы, разряды, квалификационные сетки. Стандартизация потребления — массовые товары, массовая культура, массовые форматы досуга. Стандартизация стала синонимом качества: стандартное значит надёжное, проверенное, безопасное. Нетрудно заметить, что это понятие прямо противоположно идее уникальности и разнообразия.

Прогресс как рост. Просвещение понимало прогресс как совершенствование — качественное изменение к лучшему, не сводимое к количественным показателям. Индустриальная эпоха переопределила прогресс как рост: рост производства, рост потребления, рост населения, рост территории, рост скорости. Качество стало измеряться количеством. Эта подмена оказалась исключительно удобной для измерения и планирования, но она же сделала невидимыми те формы развития, которые не укладываются в количественные показатели.

Человек как ресурс. Пожалуй, самая влиятельная и самая проблематичная конструкция индустриальной рациональности. Люди стали мыслиться как один из видов ресурсов — наряду с сырьём, энергией и капиталом. Человеческие ресурсы нужно добывать (подбор персонала), обрабатывать (обучение), использовать (труд), оптимизировать (управление эффективностью) и списывать (пенсия, увольнение). Эта конструкция настолько глубоко проникла в язык и институты, что мы перестали замечать её метафорическую природу. А вместе с тем она не нейтральна: думая о человеке как о ресурсе, мы неизбежно перестаём думать о нём как о цели.

Образование как трансляция. Индустриальная модель образования построена по образу и подобию конвейера. Знания — это материал, который нужно передать от того, кто знает, тому, кто не знает. Ученик — ёмкость, подлежащая наполнению. Учебный план — стандартизированная спецификация того, что должно быть заложено в голову. Экзамен — контроль качества. Эта модель была исторически оправдана задачей массовой грамотности, но она оказалась поразительно живучей даже тогда, когда задача изменилась.

Перечисленные понятия не исчерпывают индустриальную рациональность, но дают представление о её каркасе. Все вместе они образуют связную и внутренне согласованную систему, которая доказала свою колоссальную продуктивность. Индустриальная цивилизация создала материальный базис, немыслимый для всех предыдущих эпох. Проблема не в том, что индустриальные понятия были плохи. Проблема в том, что они перестали быть адекватными.

Мы живём в мире, который больше не является индустриальным, но продолжаем пользоваться индустриальными понятиями. Сетевая структура не описывается в терминах иерархии. Живая система не описывается в терминах механизма. Творческое мышление не описывается в терминах конвейера. Смысл не описывается в терминах эффективности. Разрыв между реальностью и языком её описания нарастает — и этот разрыв есть один из главных источников напряжения современной цивилизации.

Именно поэтому индустриальная рациональность, при всех её достижениях, должна быть осмыслена как исторический этап, а не как вечный стандарт мышления. Её понятия — не аксиомы, а конструкции, созданные в конкретных исторических обстоятельствах. А раз они созданы, значит, могут быть и пересозданы. Но прежде чем пересоздавать, необходимо понять, что произошло с ними в эпоху, наступившую после индустриальной.

3.3. Цифровая эпоха: новые понятия или переупаковка старых?

С появлением компьютеров, интернета и искусственного интеллекта принято связывать начало новой эры — цифровой, информационной, сетевой. Действительно, технологический ландшафт изменился радикально. Но следует ли из этого, что столь же радикально изменилась и смысловая организация общества? Вопрос не риторический. От ответа на него зависит стратегия действий на десятилетия вперёд.

Присмотримся к ключевым понятиям цифровой эпохи. Сеть — одна из центральных метафор современности. На первый взгляд, это действительно новый концепт, противопоставленный индустриальной иерархии. Сеть децентрализована, горизонтальна, масштабируема. Однако в том виде, в каком она вошла в массовый обиход, сеть часто оказывается просто новой формой централизации: платформы контролируют узлы, алгоритмы управляют пото-

ками, данные аккумулируются в руках немногих. Сеть как метафора освобождения и сеть как реальность контроля — между ними зияет смысловой разрыв.

Платформа — ещё одно ключевое понятие. Технологические платформы изменили экономику, коммуникацию, политику. Но что означает само это слово? В индустриальном контексте платформа — это база, на которой можно строить. В цифровом контексте платформа — это одновременно и инфраструктура, и посредник, и регулятор. Это понятие вобрало в себя старые смыслы (основание, стандарт) и добавило новые (владение данными, право устанавливать правила). Оно стало настолько многозначным, что скрывает больше, чем проясняет.

Информация — понятие, которое претерпело самую радикальную трансформацию. В теории информации Шеннона оно было очищено от всякого смысла: информация — это мера неопределённости, устраняемой при получении сообщения. Смысл был исключён из определения намеренно. Но в повседневное употребление «информация» вошла именно как носитель смысла — и это породило постоянную путаницу. Является ли информация знанием? Пониманием? Мудростью? Или это просто данные, смысл которым придаёт получатель? Старое индустриальное понятие знания как запаса столкнулось с новой реальностью: информации стало слишком много, чтобы её можно было «знать». Но нового понятия, способного заменить «знание», так и не возникло — возник суррогат в виде «контента».

Контент — пожалуй, самый яркий пример переупаковки старого смысла в новый термин. Слово content в английском означает «содержимое» — то, что наполняет ёмкость. Цифровая эпоха превратила всё многообразие человеческой культуры — тексты, музыку, изображения, лекции, разговоры — в «контент». Этот термин совершил незаметную, но радикальную редукцию: всё, что создаётся человеком, стало «содержимым» платформ. Индустриальное понятие стандартизированного продукта получило новую форму. Контент можно производить, распространять, потреблять, монетизировать — ровно как индустриальный товар. Ничего концептуально нового здесь нет, есть лишь перенос старой логики на новую среду.

Искусственный интеллект. Само название этой области содержит в себе непрояснённое понятие интеллекта. Как мы видели в предыдущей главе, понятие интеллекта многослойно и внутренне конфликтно. Когда мы говорим «искусственный интеллект», какой именно интеллект мы имеем в виду? Вычислительную способность? Умение решать задачи? Творческую интуицию? Мудрость? Чаще всего подразумевается способность к обработке данных и нахождению закономерностей — то есть индустриальное понимание интеллекта как вычислительной мощности. Это не новое понятие, а технологическое усиление старого.

Примеры можно продолжать. Большинство терминов, которыми мы описываем цифровую реальность, при ближайшем рассмотрении оказываются либо старыми индустриальными понятиями с новыми технологическими приставками, либо многозначными словами, смысловая неопределённость которых работает в пользу тех, кто контролирует платформы. Подлинной концептуальной революции пока не произошло. Произошла технологическая мутация — взрывная, головокружительная, меняющая повседневность до неузнаваемости. Но смыслового переворота, сопоставимого с осевым временем или Просвещением, цифровая эпоха пока не породила.

Это утверждение может показаться спорным. Разве не появились новые феномены — блогеры, инфлюенсеры, удалённая работа, цифровой активизм? Появились. Но они описываются старыми понятиями или их вариациями. Инфлюенсер — это новая форма знаменитости. Удалённая работа — это старая работа, перемещённая из офиса в жилище. Цифровой активизм — это активизм с новыми инструментами. Ни одно из этих явлений не породило нового фундаментального понятия, которое изменило бы способ осмысления человека, общества, свободы или прогресса.

Опасность такой ситуации не в том, что у нас нет новых слов. Опасность в том, что старые слова незаметно для нас самих управляют нашим мышлением в изменившейся среде, созда-

вая систематические ошибки. Мы пытаемся осмыслить сетевую, нелинейную, гиперсложную реальность с помощью понятий, созданных для мира фабрик, иерархий и линейной причинности. Результаты этого несоответствия мы видим повсюду: в неспособности политических систем справиться с глобальными вызовами, в кризисе образования, которое продолжает готовить людей к индустриальной экономике, в когнитивных перегрузках, порождаемых информационной средой, которую мы не умеем осмыслять.

Из этого диагноза вырастает центральная задача концептуальной футурологии. Цифровая эпоха создала технологический субстрат для новой цивилизации, но не создала её смыслового каркаса. Мы живём в технологическом завтра с понятийным вчера. Именно этот разрыв является источником кризиса, который будет подробно рассмотрен в следующей части книги. И именно он делает настоятельно необходимым сознательное проектирование новых понятий.

История смысловых революций учит нас, что периоды наибольшей концептуальной нестабильности являются одновременно периодами наибольших возможностей. Когда старые понятия перестают работать, а новые ещё не утвердились, возникает пространство свободы — пространство, в котором возможно сознательное участие в создании смыслового фундамента следующей эпохи. Войти в это пространство и освоить его инструменты — такова задача читателя, вооружённого пониманием, заложенным в первой части книги.

На этом завершена Часть I. Мы проследили, как образы будущего управляют настоящим, как понятия создают реальность через цепочку последовательных преобразований и как история человечества может быть прочитана как история смысловых революций. Мы обнаружили, что цифровая эпоха, при всей своей технологической мощи, не произвела пока сопоставимого смыслового переворота и что этот разрыв между технологией и смыслом порождает напряжение, которое требует осознанной работы.

Часть II рассмотрит этот кризис во всей его полноте: интеллектуальное истощение индустриальных понятий, опасность технологического развития без ценностной архитектуры и борьбу за право определять смыслы будущего. Понимание этого кризиса станет необходимой предпосылкой для перехода к методологии концептуального форсайта и практике проектирования новых понятий.

Но способны ли мы, находясь внутри этой старой смысловой ткани, создать по-настоящему новые понятия — или мы обречены лишь оцифровывать индустриальное прошлое в новых терминах? Этот вопрос, оставленный открытым, станет отправной точкой для следующей части книги.

ЧАСТЬ II. КРИЗИС СТАРЫХ СМЫСЛОВ

Человечество начала XXI века располагает беспрецедентными возможностями. Вычислительные мощности, которые полвека назад занимали целые здания, сегодня помещаются в кармане. Генетические технологии позволяют редактировать код жизни. Искусственные нейронные сети решают задачи, ещё вчера считавшиеся исключительной привилегией человека. Глобальные коммуникации связывают миллиарды людей в реальном времени. По любым материальным меркам наша цивилизация достигла пика своего могущества.

И вместе с тем мы наблюдаем картину, которая должна вызывать недоумение у любого непредвзятого наблюдателя. Нарастающее ощущение потерянности. Кризис доверия к институтам, создававшимся столетиями. Политическая поляризация, при которой оппоненты перестают понимать язык друг друга. Когнитивная перегрузка, превращающая обилие информации из блага в источник стресса. Укорочение горизонта планирования — и в политике, и в экономике, и в личной жизни. Всё это на фоне технологий, которые, согласно старым представлениям о прогрессе, должны были сделать жизнь осмысленнее, а не запутаннее.

Этот парадокс не случаен. Он указывает на глубинный разрыв, который и составляет предмет второй части книги. Суть разрыва в следующем: смысловые конструкции, унаследованные от предыдущих эпох, перестали справляться со сложностью мира, который сами же помогли создать. Мы пользуемся понятиями, разработанными для индустриального, механистического и относительно простого общества, и пытаемся с их помощью осмыслить сетевую, нелинейную и гиперсложную реальность. Результат — систематические ошибки мышления, стратегические провалы и нарастающее ощущение, что карта перестала соответствовать территории.

Этот кризис не имеет публицистической остроты экономического спада или военного конфликта. Он разворачивается медленно, на протяжении десятилетий, и именно поэтому его легко не замечать — как не замечают постепенного износа несущих конструкций здания. Но последствия смыслового износа могут оказаться более разрушительными, чем любой единовременный кризис, потому что они лишают цивилизацию способности понимать саму себя и сознательно выбирать направление развития.

Часть II посвящена диагностике этого кризиса. Она состоит из трёх глав, каждая из которых высвечивает определённую грань проблемы.

Глава 4 рассматривает интеллектуальное истощение индустриальной эпохи. Мы исследуем, как понятия, рождённые логикой фабрики и конвейера — эффективность, стандартизация, специализация, прогресс как рост, человек как ресурс, — продолжают управлять мышлением, институтами и повседневными практиками, несмотря на то что породившая их реальность ушла в прошлое. Это глава о том, почему старые понятия сохраняют власть и чем эта власть опасна.

Глава 5 обращается к самому тревожному сценарию — будущему без смыслов. Здесь анализируется феномен технологического развития, обгоняющего способность общества осмысливать его последствия. Цифровая фрагментация, когнитивная перегрузка, утрата долгосрочного мышления, этическая пустота перед лицом новых возможностей — всё это симптомы одного и того же дефицита: нехватки понятий, способных удерживать сложность и задавать ценностные ориентиры. Это глава-предостережение, без которой разговор о проектировании будущего остался бы абстрактным.

Глава 6 вводит измерение, без которого анализ был бы неполным: борьбу за право определять смыслы. Государства, корпорации, идеологические движения и технологические платформы ведут конкуренцию не только за ресурсы и рынки, но и за контроль над понятиями, через которые люди осмысливают мир и своё место в нём. Войны за будущее — это войны за

язык будущего. Исход этой борьбы определит, кто сможет проектировать цивилизационную траекторию, а кто окажется объектом чужого проектирования.

Итогом части станет понимание, что кризис старых смыслов — это не культурологическая метафора и не повод для интеллектуальной меланхолии. Это стратегический вызов, требующий такого же серьёзного отношения, как изменение климата или трансформация глобальной экономики. Более того, без осмысления этого вызова невозможно справиться и с остальными — потому что само понятие «справиться» требует смысловой рамки, которой у нас пока нет.

Осознание кризиса — не финал, а необходимый этап. Прежде чем проектировать новое, нужно честно увидеть, что старое перестало работать. Именно это мы и сделаем в следующих трёх главах. А затем, вооружённые диагнозом, перейдём к методологии концептуального форсайта — инструменту, позволяющему не просто описывать кризис, но и действовать в нём.

Глава 4. Интеллектуальное истощение индустриальной эпохи

4.1. Устаревший каркас: как индустриальные понятия всё ещё управляют нами

Всякая эпоха оставляет после себя не только здания, машины и институты, но и понятия. Понятия — самый долговечный из продуктов человеческой деятельности. Они переживают империи, технологические уклады и политические режимы. И в этой долговечности заключена как сила, так и опасность.

Мы уже проследили в главе 3, как индустриальная рациональность породила набор базовых понятий: эффективность, стандартизацию, прогресс как рост, человека как ресурс, образование как трансляцию. Эти понятия не были навязаны силой. Они возникли как ответ на реальные вызовы своего времени — необходимость организации массового производства, управления большими коллективами, обеспечения предсказуемости в масштабах национальных государств. Они доказали свою инструментальную мощь. Именно с их помощью была построена материальная инфраструктура современного мира.

Проблема не в том, что эти понятия были ложны. Проблема в том, что они перестали соответствовать реальности, которую сами помогли создать, но продолжают действовать как невидимый каркас мышления.

Механизм этой инерции устроен сложнее, чем может показаться. Дело не в том, что кто-то сознательно насаждает устаревшие понятия. Дело в том, что понятия встроены в институты, а институты обладают собственной логикой самосохранения. Система образования построена на понятиях стандарта, программы, оценки — и она будет воспроизводить эти понятия даже тогда, когда они потеряли связь с реальными потребностями учащихся и общества, потому что преподаватели учились по этим понятиям, администраторы отчитываются по ним, а родители оценивают школы в их терминах. Система корпоративного управления построена на понятиях эффективности, производительности, ключевых показателей — и она будет требовать их применения даже там, где они разрушают долгосрочную жизнеспособность, потому что акционеры мыслят квартальными отчётами, а менеджеры мотивированы краткосрочными бонусами.

Так образуется петля самоподдержания: понятия формируют институты, институты закрепляют понятия в правилах и процедурах, правила и процедуры формируют мышление людей, проходящих через эти институты, а это мышление, в свою очередь, воспроизводит понятия. Разорвать эту петлю трудно не в последнюю очередь потому, что люди внутри неё не ощущают её как петлю. Они ощущают свои понятия как единственно возможные, как синонимы здравого смысла.

Между тем здравый смысл индустриальной эпохи всё чаще даёт сбой. Рассмотрим несколько примеров.

Возьмём понятие «специалист». В индустриальной логике специалист — это человек, освоивший определённую область знания или навыка и применяющий её в течение всей карьеры. Образование готовит специалистов, рынок труда нанимает специалистов, государственная система классифицирует людей по специальностям. Эта модель работала, когда знания устаревали медленно, а профессиональные траектории были линейны. Но сегодня знания обновляются за годы, а то и месяцы. Проблемы, с которыми сталкиваются организации и общества, всё чаще носят междисциплинарный характер и не укладываются ни в одну специальность. Человек, обученный как специалист, выходит в мир, где специализация стремительно

теряет ценность, а способность связывать разные области — наращивает. Но инерция понятия такова, что образовательные программы всё ещё режут знание на дисциплинарные ломтики, работодатели всё ещё пишут вакансии в терминах узких специализаций, а люди всё ещё идентифицируют себя через профессию и испытывают тревогу, когда эта идентификация перестаёт работать.

Другой пример — понятие «отрасль». Индустриальная экономика делилась на отрасли: металлургия, машиностроение, транспорт, связь, образование, здравоохранение. Каждая отрасль имела свои министерства, свои профсоюзы, свои нормы и стандарты. Цифровая экономика размывает отраслевые границы. Компания, производящая автомобили, одновременно является разработчиком программного обеспечения и поставщиком финансовых услуг. Платформа, начинавшая как книжный магазин, становится облачным провайдером и производителем контента. Но государственное регулирование, статистический учёт и стратегическое планирование до сих пор мыслят в отраслевых категориях, из-за чего всё чаще бьют мимо цели.

Эти примеры иллюстрируют общий принцип: понятия, бывшие эффективными инструментами организации реальности, становятся фильтрами, отсекающими существенное и делающими невидимыми новые возможности и угрозы. Это не значит, что нужно немедленно отбросить все индустриальные понятия. Это значит, что нужно научиться видеть их как исторически обусловленные конструкции, а не как аксиомы. Именно эту задачу решает семантическая археология, с которой мы познакомились в главе 2. Но прежде чем применять её к отдельным понятиям, необходимо понять более общие характеристики индустриального мышления, которые продолжают действовать даже тогда, когда конкретные понятия оспариваются. Первая из этих характеристик — линейность.

4.2. Линейное мышление перед лицом нелинейной реальности

Индустриальная рациональность глубоко линейна. Она предполагает, что причина ведёт к следствию предсказуемым и пропорциональным образом, что малые воздействия вызывают малые последствия, а большие — большие, что целое равно сумме частей и что, управляя частями, можно управлять целым. Эти допущения не проговариваются — они встроены в сам способ мышления, в инструменты планирования и в критерии оценки.

Линейное мышление не было ошибкой. Оно было эффективной адаптацией к миру, в котором действительно многое работало линейно. Завод, производящий автомобили: удвоение рабочих часов при прочих равных означает удвоение выпуска. Железная дорога: увеличение скорости поезда пропорционально сокращает время в пути. Национальный бюджет: рост налоговых поступлений позволяет пропорционально увеличить расходы. В этих контекстах линейное мышление работало, и работало хорошо. Проблема в том, что современный мир всё чаще демонстрирует нелинейное поведение, а наши мыслительные привычки остались прежними.

Нелинейность означает, что связь между причиной и следствием не пропорциональна и не всегда предсказуема. Малые воздействия могут вызывать катастрофические последствия — и наоборот, большие усилия могут не давать ожидаемого результата. Целое не равно сумме частей — оно обладает свойствами, не выводимыми из свойств компонентов. Управляя частями, далеко не всегда можно управлять целым, потому что целое определяется не столько частями, сколько связями между ними.

Примеров нелинейного поведения в современном мире множество. Финансовые рынки: незначительное событие — банкротство одного фонда — может запустить глобальный кризис. Социальные сети: одна публикация может вызвать цепную реакцию и изменить политическую повестку целой страны, а может остаться незамеченной — и невозможно заранее предсказать, какой из двух исходов реализуется. Эпидемии: микроскопический вирус способен остановить мировую экономику. Климат: постепенное накопление парниковых газов может привести не

к постепенному же потеплению, а к резкому переключению климатической системы в новое состояние.

Во всех этих случаях линейное мышление подводит. Оно требует предсказуемости там, где её нет. Оно ищет пропорциональности там, где работают каскадные эффекты. Оно требует простых объяснений там, где действуют петли обратной связи. Результат — систематические стратегические ошибки.

Одна из самых показательных ошибок такого рода — управление по показателям. Индустриальная логика предполагает: если мы хотим улучшить систему, нужно выделить измеримые показатели её работы и управлять ими. Эта логика породила бесчисленные системы ключевых показателей эффективности. Но в нелинейной среде показатели ведут себя коварно. Во-первых, они неизбежно упрощают реальность, отсекая всё, что трудно измерить, — а часто именно неизмеряемое является самым важным. Во-вторых, когда показатель становится целью, он перестаёт быть хорошим показателем: люди начинают оптимизировать свою деятельность под показатель, а не под реальную цель. Больницы, оцениваемые по проценту выживаемости пациентов, начинают отбирать только лёгкие случаи. Университеты, оцениваемые по числу публикаций, начинают плодить публикации, которые никто не читает. Полиция, оцениваемая по раскрываемости, начинает уклоняться от регистрации сложных преступлений. В каждом случае линейная логика управления по показателям порождает нелинейные и непредусмотренные последствия, которые сводят на нет первоначальный замысел.

Другая систематическая ошибка — игнорирование петель обратной связи. Линейное мышление представляет мир в виде цепочки: А вызывает Б, Б вызывает В. Нелинейная реальность полна петель: А вызывает Б, Б усиливает А, и вместе они порождают лавинообразный рост или, напротив, гасят друг друга. Политик, снижающий налоги в расчёте на экономический рост, может получить сокращение доходов бюджета, которое заставит урезать инфраструктурные инвестиции, что замедлит рост, что ещё сильнее сократит доходы — и так далее. Петля обратной связи превращает благое намерение в его противоположность, но линейное мышление не оборудовано для того, чтобы это предвидеть.

Третья ошибка — ожидание, что решение, сработавшее в одном контексте, сработает и в другом. Линейное мышление ищет универсальные законы и алгоритмы. Нелинейная реальность контекстуально зависима. Образовательная реформа, успешная в Финляндии, может провалиться в стране с другой культурой, институциональной историей и социальной структурой — не потому, что реформа плоха, а потому что система, в которую её пытаются перенести, устроена иначе и по-другому откликается на воздействия.

Переход от линейного мышления к нелинейному — это не вопрос отказа от логики и расчёта. Это вопрос освоения более сложных инструментов мышления, способных удерживать петли, каскады, пороговые эффекты и контекстуальную зависимость. Но прежде чем осваивать эти инструменты, необходимо разобраться с ещё более глубинным слоем индустриального мышления — с метафорами, на которых оно построено.

4.3. Механистическая метафора и её границы

Мышление никогда не обходится без метафор. Мы понимаем сложное через простое, незнакомое через знакомое, абстрактное через чувственно данное. Метафора — не украшение речи, а когнитивный инструмент, структурирующий само восприятие реальности. И у каждой эпохи есть свои корневые метафоры.

Индустриальная эпоха мыслила мир как механизм. Эта метафора имеет долгую историю: часы как образ Вселенной появляются уже в XVII веке, паровой двигатель добавляет идею энергии и работы, конвейер — идею последовательности операций, компьютер — идею программируемости. Несмотря на технические различия, все эти варианты объединяет общее

ядро: мир состоит из частей, части взаимодействуют по фиксированным правилам, целое есть сумма частей, а понимание целого достигается через разложение на части и анализ их взаимодействия.

Механистическая метафора была исключительно продуктивной. Она дала нам научный метод в его классическом виде: разбей проблему на элементарные составляющие, изучи каждую в контролируемых условиях, собери обратно. Она дала нам инженерный подход к управлению: оптимизируй каждую операцию, стандартизируй интерфейсы, контролируй качество на выходе. Она дала нам медицину, которая победила множество болезней, рассматривая организм как совокупность органов, а органы — как совокупность клеток и биохимических процессов.

Однако сегодня механистическая метафора всё чаще становится препятствием, а не подспорьем. Причина в том, что многие системы, с которыми мы имеем дело, не являются механизмами. Они являются живыми системами, или, более обобщённо, сложными адаптивными системами. А сложные адаптивные системы подчиняются иной логике.

Живая система не собирается из частей — она вырастает. Её части не являются взаимозаменяемыми — каждая несёт уникальную историю. Она не управляется централизованно — в ней действуют распределённые механизмы самоорганизации. Она не сохраняет устойчивость за счёт жёсткости — напротив, её устойчивость обеспечивается способностью к адаптации и изменению. Она не оптимизируется под единственный критерий — она балансирует множество критериев одновременно. И самое главное: живая система порождает смыслы. Механизм индифферентен к смыслу, для него существуют только причины и следствия. Живая система существует в горизонте значимости — для неё есть благоприятное и неблагоприятное, полезное и вредное.

Применение механистической метафоры к живым системам ведёт к предсказуемым сбоям. Рассмотрим несколько областей.

Управление организациями. Механистический взгляд представляет организацию как структуру должностей, функций и процессов, которую можно перестраивать подобно инженерной конструкции. Реорганизация за реорганизацией, оптимизация процессов, внедрение систем контроля — стандартный инструментарий менеджмента, унаследованный от тейлоризма. Но организации — это сообщества людей, а не механизмы. Они обладают культурой, неформальными связями, коллективной памятью, эмоциональной динамикой. Реорганизация, игнорирующая эти измерения, разрушает неформальные сети, на которых держится реальная работа, деморализует людей и в итоге снижает жизнеспособность организации — даже если на бумаге все показатели выглядят превосходно.

Здравоохранение. Механистическая модель организма как совокупности органов привела к узкой специализации врачей и фрагментации медицинской помощи. Пациент оказывается не целостным человеком, а набором систем, каждую из которых лечит отдельный специалист, часто не согласовывающий свои действия с другими. Эта модель отлично справляется с острыми, локализованными заболеваниями и плохо — с хроническими, системными, психосоматическими, доля которых в современной заболеваемости неуклонно растёт.

Экология и климат. Попытки управлять природными системами как механизмами неизменно приводили к катастрофам. Осушение болот, спрямление рек, внедрение видов в чуждые им экосистемы — всё это примеры механистического подхода, игнорирующего сложность живых систем. Сегодняшние геоинженерные проекты — от распыления аэрозолей в атмосфере до удобрения океана железом — несут ту же опасность, только в планетарном масштабе.

Экономика. Господствующая экономическая теория до сих пор во многом опирается на механистические аналогии равновесия, оптимизации, эффективности. Но экономика — не механизм, а эволюционирующая экосистема институтов, практик, ожиданий и смыслов. Механистические модели не предсказали финансовый кризис 2008 года, потому что не могли

учесть рефлексивность — способность участников рынка менять своё поведение в ответ на сами модели.

Что объединяет все эти примеры? Механистическая метафора делает невидимым то, что не является механическим. Она не видит самоорганизации, эмерджентных свойств, смыслов, ценностей, культурных кодов. Она редуцирует сложность до управляемости, но в этой редукции теряет именно то, что составляет суть живых систем.

Здесь важно сделать оговорку. Речь не идёт о полном отказе от механистической метафоры. В своей области применимости — при работе с действительно механическими системами и с теми аспектами живых систем, которые допускают механистическое описание — она остаётся полезной. Проблема в её экспансии за пределы этой области. Индустриальная рациональность универсализировала механистическую метафору, сделав её стандартом мышления о чём угодно. Выход из кризиса старых смыслов требует не отбрасывания этой метафоры, а осознания её границ и освоения других метафор — организма, экосистемы, сети, поля, — которые будут подробно рассмотрены в Части IV.

А пока, оставаясь в логике диагностики, обратимся к ещё одному слою индустриального наследия — к тем моделям успеха, которые оно нам оставило.

4.4. Модели успеха, исчерпавшие себя

Понятия, управляющие обществом, не ограничиваются сферой производства и управления. Они проникают в самые интимные области — в представления о том, что значит состоявшаяся жизнь. Индустриальная эпоха создала набор моделей успеха, которые до сих пор определяют жизненные стратегии миллионов людей. И эти модели всё чаще расходятся с реальностью, порождая разочарование, выгорание и утрату смысла.

Центральным понятием здесь является «карьера». В доиндустриальном мире жизненный путь человека в значительной степени предопределялся рождением. Сын крестьянина становился крестьянином, дочь — женой крестьянина. Индустриальная эпоха, особенно в её зрелой фазе после Второй мировой войны, создала новую модель: карьеру как последовательность ступеней в организационной иерархии. Человек начинал с младшей позиции, набирал опыт, продвигался вверх, достигал пика и выходил на пенсию. Эта модель была линейной, предсказуемой и связанной с внешними маркерами статуса: должность, зарплата, размер кабинета, число подчинённых.

Сегодня эта модель перестала работать для значительной части людей. Организационные иерархии стали плоскими. Понятие «рабочего места на всю жизнь» ушло в прошлое. Профессиональные траектории стали прерывистыми, включают смены областей, периоды независимой работы, возвращение к учёбе во взрослом возрасте. Но понятие карьеры как линейного восхождения никуда не делось. Оно продолжает формировать ожидания — и продолжает порождать чувство неполноценности у тех, чья траектория не укладывается в эту схему.

Понятие «достижение» также несёт на себе индустриальную печать. Достижением считается то, что можно измерить, предъявить, конвертировать в статус. Диплом престижного учебного заведения, занятость в известной компании, уровень дохода, число публикаций, количество подписчиков. Всё это — внешние и количественные показатели. Сама идея о том, что достижение — это то, что можно измерить и сравнить, глубоко индустриальна. Она превращает жизнь в гонку, в которой победитель всегда временный, потому что всегда найдётся кто-то с более высокими показателями.

Понятие «рост» применительно к личной жизни — ещё одно наследие. Индустриальная логика предполагает, что расти хорошо, а не расти плохо. Но что значит личностный рост? В индустриальной рамке это часто сводится к накоплению: больше знаний, больше навыков, больше контактов, больше достижений. Человек воспринимается как предприятие, которое

должно наращивать обороты. Однако качественные изменения — зрелость, мудрость, способность к глубоким отношениям, осознание собственных ограничений — не укладываются в метафору роста как накопления.

Понятие «конкурентоспособность» завершает этот ряд. Индустриальная экономика была конкурентной: предприятия боролись за рынки, работники — за рабочие места, страны — за инвестиции. Конкуренция была и остаётся мощным двигателем развития. Но будучи перенесена на личную жизнь, она становится токсичной. Если моя ценность определяется тем, насколько я конкурентоспособен по сравнению с другими, то другие люди неизбежно превращаются в соперников, а собственная ценность постоянно находится под вопросом. Это порождает тревожность, зависть и неспособность к сотрудничеству — притом что сложность современного мира требует именно сотрудничества, а не конкуренции одиночек.

Важно подчеркнуть: речь не идёт об отказе от амбиций, стремлений и развития. Речь идёт о переопределении этих понятий. В следующих частях книги мы рассмотрим альтернативные концепции успеха, основанные не на внешних показателях, а на внутренней связности, осмысленности и способности к глубоким отношениям. Но пока, оставаясь в диагностической рамке, зафиксируем: индустриальные модели успеха создают всё большего число людей чувство несостоятельности, неадекватности и выгорания. И это не личная проблема отдельных людей, а системный эффект устаревших понятий.

4.5. Человек-ресурс: финальный диагноз

Среди всех индустриальных понятий, рассмотренных в этой главе, есть одно, заслуживающее особого внимания. Оно является самым глубоким, самым влиятельным и самым проблематичным. Это представление о человеке как о ресурсе.

Понятие «человеческие ресурсы» вошло в язык настолько прочно, что мы перестали замечать его метафорическую природу. Управление человеческими ресурсами, развитие человеческих ресурсов, дефицит человеческих ресурсов — эти выражения звучат нейтрально и технично. Но за ними стоит вполне определённая модель человека.

Ресурс — это то, что используется для достижения внешних по отношению к нему целей. Ресурс ценен не сам по себе, а своей полезностью. Ресурс может быть дефицитным или избыточным, качественным или некачественным. Ресурс требует добычи, обработки, использования и утилизации. Вся эта логика при её применении к людям порождает следствия, которые мы редко проговариваем вслух, но которые определяют устройство множества институтов.

Образование в логике человеческих ресурсов — это обработка. Сырой материал (ребёнок) поступает в систему, где ему придают форму, требуемую экономикой. Ценность образования измеряется его влиянием на будущую производительность. Гуманитарные дисциплины, не имеющие очевидной экономической отдачи, рассматриваются как сомнительная роскошь. Человек, не вписавшийся в рынок труда, считается браком системы.

Здравоохранение в логике человеческих ресурсов — это поддержание трудоспособности. Главная цель медицины — вернуть человека в строй. Профилактика важна, потому что предотвращает потери рабочего времени. Психическое здоровье долгое время игнорировалось — отчасти потому, что его связь с производительностью была менее очевидна. Старение воспринимается как проблема утраты ресурса, а не как этап жизни со своими смыслами.

Пенсионная система в логике человеческих ресурсов — это списание отработанного ресурса. Человек, вышедший на пенсию, перестаёт быть экономически полезным, и вопрос о смысле его существования за пределами экономической полезности остаётся без внятного ответа. Долголетие, которого добилась современная медицина, превращается в проблему: слишком много людей живут слишком долго после того, как перестали быть ресурсом.

Самооценка в логике человеческих ресурсов неизбежно связывается с востребованностью на рынке. «Я не востребован» означает «я не нужен», «у меня нет ценности». Отсюда — катастрофические последствия безработицы для психического здоровья, не сводимые к материальным трудностям. Человек теряет не доход — он теряет основание для самоуважения.

Эта конструкция не является результатом злого умысла. Она возникла как побочный продукт индустриальной организации труда, в которой миллионы людей действительно функционировали как взаимозаменяемые единицы. Но сегодня она стала тормозом для развития и источником страдания.

Во-первых, она не соответствует реальной экономике. В экономике знаний и смыслов ценность создаётся не стандартизированными действиями, а уникальными комбинациями способностей, идей и связей. Относиться к творческому человеку как к ресурсу — значит разрушать то, что делает его продуктивным. Творчество не поддаётся стандартизации, оптимизации и нормированию. Оно требует автономии, осмысленности и внутренней мотивации — всего того, что логика ресурса игнорирует.

Во-вторых, она не соответствует человеческой природе. Человек — не средство, а цель. Эта формулировка, восходящая к Канту, долгое время оставалась философской абстракцией, но сегодня она обретает практическую остроту. Мы достигли такого уровня материального развития, при котором отношение к человеку как к средству для экономического роста перестало быть необходимым. Мы можем позволить себе относиться к человеку как к цели, не жертвуя благосостоянием. Но инерция старых понятий удерживает нас в логике ресурса.

В-третьих, она не соответствует цивилизационным вызовам. Проблемы, стоящие перед человечеством — климат, неравенство, устойчивое развитие, — требуют коллективного разума, а не совокупности взаимозаменяемых исполнителей. Они требуют осмысленного участия, а не просто производительного труда. Относиться к людям как к ресурсам — значит недоиспользовать главный ресурс, которым обладает человечество: способность к смыслопорождению.

Финальный диагноз этой главы таков: понятие «человек-ресурс» исчерпало себя. Оно было адекватно индустриальной фазе развития, но оно неадекватно фазе, в которую мы входим. И его замена — не косметическая операция по смене терминологии, а глубокая перестройка всех институтов, выстроенных на этом фундаменте. Какова может быть новая модель человека — это предмет Части IV. Но прежде чем перейти к проектированию альтернатив, необходимо рассмотреть ещё одну грань кризиса: что происходит, когда технологическое развитие опережает развитие смыслов, и в какой мир мы рискуем войти, если этот разрыв не будет преодолен.

Об этом — следующая глава.

Глава 5. Будущее без смыслов

5.1. Технологическое развитие, обгоняющее осмысление

История человеческой цивилизации может быть рассказана как история ускоряющегося времени. От появления каменных орудий до изобретения земледелия прошли десятки тысяч лет. От земледелия до городов и письменности — несколько тысячелетий. От письменности до печатного станка — тысячелетия. От печатного станка до парового двигателя — столетия. От парового двигателя до электричества — десятилетия. От электричества до интернета — одно поколение. От интернета до повсеместного искусственного интеллекта — ещё меньше.

Эта кривая ускорения хорошо известна. Но в ней есть аспект, который обычно упускают из виду. Технологии ускоряются, а человеческая способность осмысливать их последствия — нет. Мозг *Homo sapiens* анатомически не изменился за последние пятьдесят тысяч лет. Скорость культурной эволюции, конечно, несопоставимо выше биологической, но и она имеет свои пределы. Язык, понятия, этические системы, институты — всё это меняется значительно медленнее, чем технологии.

В результате возникает разрыв, который можно назвать смысловым отставанием. Технологии уже здесь, а понятий для её осмысления ещё нет. Искусственный интеллект пишет тексты, ставит диагнозы, управляет автомобилями — но у нас нет общепринятого понимания того, что значит доверять машине, как распределять ответственность между создателем и пользователем алгоритма, где проходит граница между помощью и замещением. Биотехнологии позволяют редактировать геном эмбриона — но у нас нет согласованных представлений о том, что значит быть человеком в свете этой возможности. Нейроинтерфейсы считывают активность мозга и переводят её в команды — но у нас нет языка для обсуждения границ приватности, когда эта граница проходит не по коже, а по коре головного мозга.

Это смысловое отставание не является временным недоразумением, которое рассосётся само собой. Оно встроено в саму структуру современной инновационной системы. Технологии разрабатываются в конкурентной гонке: кто первый вывел продукт на рынок, тот и победил. Осмысление же требует медленной, неспешной работы: философской рефлексии, общественного обсуждения, этической экспертизы, правовой кодификации. Эти два процесса движутся на разных скоростях, и разрыв между ними лишь нарастает.

Последствия этого разрыва многообразны. Первое и самое очевидное — неспособность предотвратить вред до того, как он нанесён. Социальные сети были запущены с обещанием соединить людей, и потребовалось полтора десятилетия, чтобы осознать их роль в распространении дезинформации, поляризации обществ и разрушении психического здоровья подростков. Алгоритмическая торговля на финансовых рынках была внедрена как инструмент повышения эффективности, прежде чем стало понятно, что она способна вызывать мгновенные обвалы. Генеративный искусственный интеллект был выпущен в публичный доступ раньше, чем кто-либо осмыслил последствия для интеллектуальной собственности, рынка труда и самого понятия авторства.

Второе последствие — утрата контроля над направлением развития. Когда технология опережает осмысление, решения о том, какую технологию развивать и как её применять, принимаются не на основе осознанного выбора ценностей и приоритетов, а на основе инерции технологической возможности. То, что можно сделать, делается — просто потому, что можно. Это не злой умысел инженеров или предпринимателей. Это системный эффект отсутствия смысловой рамки, внутри которой можно было бы различить желательное и нежелательное, полезное и разрушительное.

Третье последствие — общественная тревога и поляризация. В отсутствие общепринятых понятий для обсуждения новых технологий люди хватаются за первые попавшиеся аналогии. Искусственный интеллект уподобляют то рабу, то богу, то оружию, то партнёру. Каждая из этих метафор тянет за собой определённую эмоциональную реакцию и определённую стратегию поведения — и они сталкиваются друг с другом, порождая конфликты, в которых участники не понимают даже предмета спора. Одни требуют немедленного регулирования, другие — полной свободы инноваций, и обе стороны правы внутри своей метафоры — но не могут договориться о том, какая метафора уместна.

Смысловое отставание — не проклятие и не приговор. Это диагноз, из которого вырастает конкретная задача: сокращать разрыв между скоростью технологических изменений и скоростью смыслового обновления. Концептуальная футурология и предлагает инструменты для решения этой задачи. Но прежде чем перейти к ним, необходимо рассмотреть другие грани кризиса — те, что проявляются не столько вовне, в отношении к технологиям, сколько внутри самого человеческого опыта.

5.2. Фрагментация: мир, в котором невозможно собрать картину целого

Человеческое сознание устроено так, чтобы воспринимать мир связным. Мы не просто регистрируем отдельные факты, мы связываем их в истории. Повествование — древнейший и самый фундаментальный способ организации опыта. Именно через нарративы мы понимаем, кто мы, откуда пришли и куда движемся. Именно нарративная связность придаёт жизни осмысленность.

Цифровая среда, в которую всё глубже погружается современный человек, разрушает эту связность. Она не просто представляет информацию в большом объёме, она представляет её фрагментированной. Новостная лента состоит из не связанных друг с другом сообщений: политический скандал, спортивный результат, научное открытие, личная драма знаменитости, рецепт десерта, военный репортаж — всё это подаётся в одном потоке, как равноценные единицы. Контекст, предыстория, связи между событиями вымываются. Остаются информационные осколки.

Эта фрагментация — не случайный побочный эффект цифровых медиа. Она заложена в их экономическую модель. Платформы зарабатывают на внимании, а внимание лучше всего удерживается быстрой сменой стимулов. Глубокое, связное изложение требует времени и усилий — и от автора, и от читателя. Оно непродуктивно с точки зрения рекламной модели. Поэтому алгоритмы поощряют краткость, клиповость, эмоциональную заряженность и всё меньше оставляют места для медленного, связного мышления.

Результат — парадоксальная ситуация. Человечество произвело и продолжает производить колоссальный объём знаний. Никогда в истории у нас не было доступа к такому количеству информации. Но эта информация всё меньше превращается в понимание. Понимание требует связывания, а связывание требует времени, тишины и когнитивных усилий, которые среда постоянно прерывает. Мы узнаём всё больше о всё меньшем — и одновременно теряем способность видеть целое.

На индивидуальном уровне фрагментация переживается как потеря нарративной связности собственной жизни. Человеку всё труднее ответить на простые вопросы: «Кто я?», «Куда я иду?», «Как связаны разные части моей жизни?». Профессиональная траектория становится прерывистой, круг общения — текучим, ценности — меняющимися под давлением информационных потоков. Это не обязательно плохо — в некоторых отношениях подвижность и гибкость являются достоинствами. Но когда подвижность переходит во фрагментацию, когда

разные части жизни перестают складываться в осмысленное целое, возникает чувство потерянности, которое не компенсируется никаким материальным благополучием.

На уровне общества фрагментация проявляется как распад общего смыслового поля. Единые нарративы, которые раньше объединяли большие сообщества — национальные истории, идеологии, религиозные картины мира, — уступают место множеству частных, замкнутых на себя информационных пузырей. Люди, живущие в одном городе и принадлежащие к одному социальному слою, могут иметь радикально различные представления о реальности, потому что потребляют разные информационные потоки и пользуются разными системами координат.

Это создаёт уникальную историческую ситуацию. Впервые в истории человечества значительная часть общества имеет доступ к одним и тем же технологиям связи, но не имеет общего языка для разговора о реальности. Не языка в лингвистическом смысле — слова те же самые, — а языка в смысловом: общего набора понятий, общих критериев достоверности, общих методов проверки утверждений. Когда такое смысловое единство утрачивается, демократия перестаёт работать (ибо нет общего предмета обсуждения), образование перестаёт работать (ибо неясно, чему учить), наука теряет общественный авторитет (ибо её критерии истинности не разделяются теми, кто не входит в научное сообщество).

Фрагментация — это не просто техническая проблема, которую можно решить улучшением алгоритмов или введением фактчекинга. Это проблема понятийная. Нам не хватает концептов, которые позволили бы мыслить связность в условиях, когда старые формы связности — идеологии, каноны, традиции — утратили силу. Нам нужны новые способы собирать целое, не жертвуя сложностью и разнообразием. Это одна из центральных задач концептуальной футурологии, к которой мы обратимся в следующих частях книги. Но сейчас — ещё одна грань кризиса.

5.3. Когнитивная перегрузка и истощение внимания

Внимание — самый фундаментальный ресурс человека. Всё, что мы знаем, понимаем и создаём, является продуктом внимания, направленного на предмет. Без внимания нет обучения, нет творчества, нет глубоких отношений, нет осмысленного действия. Долгое время этот ресурс воспринимался как данность, как нечто само собой разумеющееся — подобно воздуху. Но сегодня он стал дефицитным.

Причины этого хорошо изучены. Цифровая среда спроектирована так, чтобы захватывать и удерживать внимание максимально эффективно. Персонализированные ленты, бесконечная прокрутка, push-уведомления, геймификация, алгоритмическая рекомендация — всё это технологии, оптимизированные под одну цель: заставить человека провести на платформе как можно больше времени. Каждая секунда внимания монетизируется. И чем больше внимания извлекается, тем меньше его остаётся на всё остальное.

Масштаб этого извлечения колоссален. Средний пользователь смартфона касается его экрана сотни раз в день. Время, проводимое в цифровых средах, исчисляется часами ежедневно — и продолжает расти. Это время отнимается не только у работы или учёбы, но и у сна, у физической активности, у живого общения, у тишины, у скуки — состояния, в котором, как показывают исследования, мозг занимается важнейшей работой по связыванию и переосмыслению опыта.

Но истощение внимания — не только количественная, но и качественная проблема. Дело не просто в том, что у нас стало меньше внимания. Дело в том, что изменился сам характер внимания. Цифровая среда тренирует быстрое, поверхностное, переключающееся внимание — то, что иногда называют мультизадачностью, хотя точнее говорить о быстром последовательном переключении между задачами. Этот тип внимания хорош для сканирования информационных потоков, но разрушителен для всего, что требует длительного сосредоточения.

Глубокое мышление — то, что лежит в основе науки, философии, искусства, стратегического планирования и просто осмысленной жизни, — требует непрерывного внимания к одному предмету в течение десятков минут или часов. Оно требует состояния потока, в котором внешние стимулы отключаются и сознание полностью погружается в предмет. Именно это состояние становится всё более труднодостижимым в среде, спроектированной для прерывания внимания.

Последствия выходят далеко за рамки индивидуальных неудобств. Общество, теряющее способность к глубокому вниманию, теряет способность к решению сложных проблем. Климатический кризис, экономическое неравенство, трансформация геополитического порядка — все эти проблемы требуют именно длительного, сосредоточенного, междисциплинарного мышления. Но именно такое мышление подрывается текущей информационной средой.

Образование сталкивается с этим кризисом напрямую. Ученики и студенты приходят в аудитории с уже сформированными привычками фрагментированного внимания. Способность читать длинные тексты, следить за развёрнутым аргументом, удерживать в уме сложную систему понятий — все эти навыки, необходимые для образования, атрофируются. Преподаватели вынуждены конкурировать со смартфонами, и эта конкуренция почти всегда проигрывает — потому что образовательный контент, даже самый качественный, не может быть таким же стимулирующим, как лента, оптимизированная алгоритмами под максимальное вовлечение.

Здесь важно избежать морализаторства. Речь не о том, что люди «испортились» и стали ленивыми. Речь о системном эффекте: среда, в которой мы живём, определённым образом формирует наши когнитивные привычки. Индивидуальные усилия по самодисциплине могут смягчить этот эффект, но не устранить его, потому что проблема не в слабости воли, а в асимметрии сил. С одной стороны — индивиды с их ограниченными ресурсами самоконтроля. С другой — многомиллиардные корпорации, использующие лучшие достижения поведенческой науки и машинного обучения для максимизации извлечения внимания.

Из этого диагноза вырастает и практическая задача. Она состоит не в отказе от технологий — это невозможно и не нужно. Она состоит в создании понятий и институтов, которые позволили бы защитить внимание как общественное благо. Нужны концепты, аналогичные экологическим: экология внимания, устойчивость когнитивной среды, защита от смыслового загрязнения. Нужны нормы и практики, которые сделают возможным глубокое мышление не как привилегию избранных, а как общедоступную способность. Это тема, которая будет развёрнута в Части IV. А пока — ещё одно измерение кризиса, связанное с временной перспективой.

5.4. Исчезновение долгосрочного мышления

У каждой эпохи есть свой характерный временной горизонт. Традиционные аграрные общества жили в ритме сезонов и поколений: построенный дом должен был служить внукам, посаженный сад начинал плодоносить через десятки лет, решения принимались с оглядкой на предков и потомков. Индустриальная эпоха удлинила горизонт планирования в одних областях (инфраструктурные проекты, образовательные системы, научные исследования) и укоротила в других (конкуренция, рынок, смена технологий). Но в целом сохранялась способность мыслить в масштабе десятилетий.

Сегодня эта способность стремительно исчезает. Политический горизонт сжимается до электорального цикла — четыре, пять, реже семь лет. Корпоративный горизонт сжимается до квартального отчёта: менеджеры знают, что через три месяца им придётся отчитываться перед акционерами, и это определяет их решения сильнее, чем стратегические планы на десять лет вперёд. Медийный горизонт сжимается до ближайшего информационного всплеска: повестка

живёт часы, максимум дни, а затем сменяется новой. Личный горизонт сжимается до горизонта планирования ближайшего отпуска или, в лучшем случае, выплаты ипотеки.

Это сжатие временной перспективы — не просто особенность современного темпа жизни, к которой можно привыкнуть. Это фундаментальная угроза способности цивилизации решать долгосрочные задачи. Изменение климата — классический пример проблемы, которая не решается в коротком горизонте. Она требует действий сейчас, последствия которых проявятся через десятилетия, а основные выгоды достанутся людям, ещё не родившимся. Инфраструктура, научные исследования, сохранение биоразнообразия, реформа образования, борьба с хроническими заболеваниями — всё это долгосрочные задачи, которые проигрывают конкуренцию за внимание и ресурсы в мире, где все институты настроены на короткий горизонт.

Почему это произошло? Причин несколько, и все они связаны со смысловыми сдвигами. Первая — ускорение, о котором уже шла речь. Когда изменения происходят быстро, долгосрочное планирование кажется бессмысленным: слишком много неопределённости, чтобы строить планы на двадцать лет. Вторая — трансформация экономики в сторону финансовых рынков, которые дисконтируют будущее очень высоко: доллар через двадцать лет стоит гораздо меньше доллара сегодня, а значит, будущие выгоды теряют вес в инвестиционных решениях. Третья — распад больших нарративов. Люди прошлого могли мыслить долгосрочно, потому что у них была вера в прогресс, или в божественный план, или в историческую миссию своего народа. Эти нарративы придавали долгосрочным усилиям смысл. Сегодня они ослабли, а новых, сопоставимых по силе, не возникло.

Исчезновение долгосрочного мышления имеет самоподдерживающийся характер. Чем короче горизонт, тем меньше инвестиций в будущее. Чем меньше инвестиций в будущее, тем более хаотичным и непредсказуемым оно становится. Чем более хаотичным оно становится, тем меньше смысла в долгосрочных планах. Это порочный круг, разорвать который можно только сознательным усилием — в том числе концептуальным.

Концептуальный аспект этой проблемы состоит в том, что само понятие «долгосрочного» оказалось размыто. В разных контекстах долгосрочное означает разное. Для финансового трейдера долгосрочное — это неделя. Для политика — следующий срок. Для строителя инфраструктуры — тридцать лет. Для климатолога — столетие. Для специалиста по ядерным отходам — десятки тысяч лет. Когда нет общего понятия долгосрочного, нет и общего основания для согласования действий в разных временных масштабах.

Проектирование будущего — а именно этим и занимается концептуальная футурология — невозможно без восстановления способности к долгосрочному мышлению. Но это восстановление не может быть простым возвращением к старому прогрессистскому нарративу. Оно должно быть переосмыслением самой идеи долгосрочности в условиях неопределённости, множественности возможных будущих и отсутствия гарантий. Это одна из тем, которые будут подробно рассмотрены в методологической Части III.

5.5. Этическая пустыня: почему старые моральные системы не справляются

Этика — это смысловая система, отвечающая на вопрос «как следует поступать?». Каждая развитая цивилизация вырабатывала свои этические учения: религиозные заповеди, философские системы, профессиональные кодексы, правовые принципы. Они давали ориентиры, позволявшие человеку и обществу различать допустимое и недопустимое, достойное и недостойное. Но сегодня эти системы сталкиваются с вызовами, к которым они не были готовы, — просто потому, что их создатели не могли предвидеть мир, в котором мы живём.

Рассмотрим несколько таких вызовов. Искусственный интеллект, принимающий решения о кредитовании, найме на работу, медицинских диагнозах и даже о применении силы

в военных конфликтах. Кто несёт ответственность за эти решения? Алгоритм не является моральным субъектом. Разработчик алгоритма часто не может предсказать его поведение во всех ситуациях. Пользователь алгоритма полагается на его выводы, не имея возможности их проверить. Классические понятия вины, ответственности, злого умысла здесь буксуют. Мы имеем ситуацию распределённой причинности, для которой у нас нет адекватной этической рамки.

Другой вызов — технологии убеждения. Социальные сети, рекомендательные алгоритмы, таргетированная реклама способны влиять на поведение миллионов людей с точностью, немислимой в прошлом. Это не промывание мозгов в классическом смысле — это тонкая, персонализированная настройка информационной среды, эксплуатирующая когнитивные уязвимости. Является ли это манипуляцией? Нарушает ли это автономию личности? Понятия свободы воли и информированного согласия, на которых держится либеральная этика, оказываются недостаточными для осмысления ситуации, в которой само понятие «информированности» стало проблематичным — потому что невозможно быть информированным о том, как именно алгоритм формирует твою информационную среду.

Ещё один вызов — биотехнологии. Возможность редактировать геном человека, создавать химер, выращивать органы, продлевать жизнь за пределы естественных ограничений — всё это ставит вопросы, на которые традиционные этические системы не дают однозначных ответов. Имеет ли человек право изменять природу своих потомков? Где проходит граница между лечением и улучшением? Является ли смерть врагом, которого нужно победить, или частью человеческого удела, которую следует принять? Религиозная этика даёт на эти вопросы определённые ответы — но эти ответы различны в разных традициях и не убедительны для тех, кто этих традиций не разделяет. Светская же этика не выработала новых оснований для решения этих вопросов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.